

К вопросу об общефактическом значении несовершенного вида

ЛАСЛО ЯСАИ

JÁSZAY László, ELTE BTK Keleti Szlav és Balti Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364

Abstract: This study discusses the general-factual meaning of the word's past tense which can be considered as one of the basic meanings of the imperfective aspect in Russian. In the first part, the author turns the reader's attention to the types of the general-factual meaning in relation to resultativity and to single or repeated action. Furthermore, he points out the synchronical characteristics of this meaning. The second part is devoted to the analysis of aspectual competition, i.e. synonymical usage of the general-factual meaning of the imperfective aspect and concrete-factual meaning of the perfective aspect.

1. Семантическая сфера общефактичности

1. Общефактическое (обобщенно-фактическое) значение рассматривается как одно из самых типичных значений НСВ. Именно на основе этого значения многие исследователи говорили о «нулевом» значении вида и пришли к такому заключению, что НСВ является немаркированным по отношению к СВ (см., в частности, [Маслов 1959, 309; Бондарко 1971, 12; Ломов 1975, 69; Шелякин 1975, 69]). В самом деле, это видовое значение является наиболее «пустым», его главную специфику представляют признаки неопределенности (нейтральности, немаркированности), — так, неопределенность времени завершения действия (несущественно, имело ли оно место давно или недавно?), безразличное отношение этого значения к достижению предела действия (предел может быть реализован только при соответствующем содержании контекста), а также к выражению кратности (различие единичности/повторяемости не существенно). Из указанных особенностей следует, что при выражении общефактического значения в центре внимания стоит само действие без характеристики его протекания, и при этом наиболее ярко данная семантика раскрывается в прошедшем времени: действие, имевшее место в прошлом, воспринимается как обозначение факта без какой-либо конкретизации. Й. Крекич [1997, 51] выделяет в семантике общефактического значения две функции: событийную и назывную, указывая на семантическое соответствие глагола в общефактическом значении, а также конструкции с глаголом *быть* и отглагольным существительным, называющим действие: *На прошлом занятии объясняли новый материал* (ср. *было объяснение нового материала*).

В синтаксическом плане из семантики общефактичности следует признак «несеквентности», отдельность обозначаемого факта, т.е. неспособность глагола НСВ обозначать последовательность сменяющих друг друга действий, наступление нового в цепи события. В семантике

общефактического действия отсутствует признак «движения событий» (ср. [Бондарко 1983, 160]). Поэтому данное значение развивается только в изолированном высказывании (*Я покупал телевизор; Телевизор я отвозил домой на такси*), и оно невозможно при употреблении последовательности действий (**Я покупал телевизор и отвозил его домой*).

1.1. Указанные признаки общефактического значения проявляются и в позиции сложного будущего, более того, и в формах инфинитива, а также и в сослагательном и повелительном наклонениях. Поскольку, однако, основной сферой проявления общефактичности является прошедшее время изъявительного наклонения, подробнее мы остановимся на рассмотрении глаголов в этой позиции.

Из трех разновидностей общефактического значения (выделенных в работе [Гловинская 1982]) главное внимание будет уделено результативному общефактическому, имеющему дальнейшие подтипы. Именно этот тип называется традиционно общефактическим значением как в терминологии учебных пособий, так и в любом лингвистическом описании. В тройной классификации М. Я. Гловинской двунаправленное значение рассматривается в качестве отдельного общефактического значения, однако, основываясь на ее метком замечании, мы предлагаем квалифицировать его как особый подтип результативного общефактического: «оба эти значения (т.е. общефактическое результативное и двунаправленное. — Л. Я.) имеют общую конституирующую часть: «действие имело результат в некий неопределенный момент в прошлом» [Гловинская 1982, 124]. Что касается нерезультативной разновидности общефактического действия (напр., *решил, но не решил*), то она, по нашему мнению, может рассматриваться и в рамках описания процессных действий как конативная разновидность такого процессного значения, которое представляет посредствующее звено между процессностью и общефактичностью. Однако естественность введения временных показателей длительности (типа *долго, два часа, весь вечер*) или просто их мысленное подразумевание в данном контексте тяготеет скорее к пониманию действия как процессно-длительного.

1.2. Общефактическое значение может передаваться как неопредельными, так и предельными глаголами. Для дальнейшего рассмотрения, однако, оказывается более интересным общефактическое, передаваемое предельным глаголом НСВ, входящим в видовую пару. В этом случае имеется возможность семантически сравнивать общефактическое значение НСВ и конкретно-фактическое СВ в структуре аналогично построенных высказываний (*Где вы покупали / купили бананы?*). Различие между ними в некоторых случаях может быть сведено к относительной синонимии в их употреблении. В отличие от этого, при общефактическом неопредельном значении «конкуренции видов» не может быть.

2. Уже в первом приближении видно, что огромное количество парных глаголов НСВ (входящих в разные семантические разряды) может приобретать результативное значение в прошедшем времени (напр., *делал, писал, читал, шил, строил, звонил, ставил, показывал, посылал, покупал, принимал, убирал, просил, предлагал, приглашал* и др.). Поэтому возникает вопрос, все ли предельные глаголы НСВ способны выражать общефактическое результативное? Сравнение однотипных минимальных контекстов с глаголами, входящими в разные семантические группы, показывает, что значение некоторых имперфективов «отрицательно» относится к обозначению действия как общего факта. Ср.:

(1) а. *Здесь вчера я покупал часы.*

б. **Здесь вчера я терял (находил) часы.*

Такую же контрастность, возникающую вследствие «непоследовательного поведения» глаголов НСВ, можно наблюдать и в местоименных вопросительных предложениях как благоприятных для реализации общефактического значения контекстах:

(1') а. *Где (когда) ты покупал свои часы?*

б. **Где (когда) ты терял (находил) свои часы?*

Возможность или невозможность употребления глагола в этой позиции обусловлена отсутствием или наличием семантического компонента случайности в данном глаголе. Соответственно этому, все глаголы НСВ, выражающие случайное действие, лишены способности указывать на единичный факт, следовательно, формы прошедшего времени (*ошибался, обжигался, проговаривался, промахивался, поскользнулся, спотыкался, ударился*) эксплицитно выражают повторяемость, хотя они выступают в этой позиции сравнительно редко. Языковые факты показывают, что в общефактическом результативном значении без ограничения употребляются такие глаголы, при которых субъектом производится волевое действие. Важную аспектуальную значимость имеет тот факт, что некоторые глаголы СВ, в зависимости от ситуации, могут выражать то случайное, то волевое, контролируемое действие. Такими глаголами, в частности, являются *встретить, пропустить, порезать, разбить, сломать, уронить, выколоть*. Следовательно, в случае их соотносительных глаголов НСВ общефактическое значение может быть представлено только при контролируемости действия.

Рассмотрим для примера глагол *разбивать*. Форма *разбивал* (вместо *разбил*) не может обозначать случайное единичное действие, таким образом, в (3а) общефактическое значение исключено, а контролируемое действие, зависящее от воли субъекта, передается данной формой только в определенных ситуациях, выражая либо дистрибутивно-процессное (2), либо общефактическое значение — последнее кажется сравнительно редким случаем, см. (3б) и (4). Ср. примеры:

(2) *От гнева, вполголоса ругаясь, она разбивала чашки и тарелки.*

(3) а. **Кто разбивал вазу?* ≠ (3) б. *Кто разбивал вазу?*

Поскольку в нормальных условиях говорящий не предполагает преднамеренности данного действия, а при первом прочтении, конечно, фраза связывается в нашем сознании с обыкновенной, естественной ситуацией, предложение (3а) воспринимается как неправильное. Правильным оно (3б) будет только при необходимой экспликации специального смыслового содержания, при создании особого фона для того, чтобы осмыслить данное действие как намеренное. Так, например, представим себе, что снимают фильм, и режиссер предварительно распорядился (или же это следует сделать согласно сценарию), что вазу надо разбить (уронить) в определенный момент, а потом, после съемки он как бы мимоходом обращается к артистам, спрашивая о том, 'кто делал это?'. В таком случае режиссер мог бы сформулировать фразу примерно таким образом:

(4) *Ребята, будем снимать еще раз. Кстати, кто разбивал вазу в последней сцене?*

В связи с примером (3а) следует сослаться на замечание И. Б. Шатуновского, согласно которому дистрибутивно-повторяющаяся трактовка ситуации (с разными субъектами и объектами) позволяет понимание фразы *Кто разбивал эту вазу?* в общефактическом значении, когда разные вазы разбивались разными людьми. В этом случае на заданный вопрос можно ответить: *Эту вазу разбивал я* (ср. [Шатуновский 1996,31]).

2.1. Было показано, что компонент случайности действия оказывается несовместимым с семантикой общефактичности. Однако, как показывают языковые факты, общефактическое результативное значение не реализуется и при употреблении некоторых других глаголов. Если выявить основной фактор, противоречащий значению общефактичности, то следует указать в более широком плане на понятие неконтролируемости действия. При наличии живого субъекта неконтролируемое действие (без компонента случайности) обозначают, в частности, следующие глаголы НСВ: *заболевать, простужаться, выздоравливать, слабеть, дуреть, стареть, толстеть*. Надо заметить, что те глаголы НСВ, общее значение которых определяется постепенным переходом к новому состоянию (инхоативы), естественным образом выражают, в первую очередь, процессное значение, — общефактическое же для них оказывается затрудненным. Так, например, фраза *Больной слабел* значит только то, что 'Больной становился всё слабее', а не значит того, что 'когда-то имел место такой факт, что больной ослабел'.

3. Однако взаимоисключение семантики становления и семантики общефактичности является лишь кажущимся: в этом отношении можно найти и такой тип контекста, в котором реализуется особая разновидность результативного общефактического значения, называемая обще-

фактическим экзистенциальным. Наиболее эксплицитно оно проявляется в неместоименных вопросительных предложениях, в которых спрашивается о действии, происшедшем когда-то в прошлом, безразлично когда именно и сколько раз. Разобщенность с моментом речи и неопределенное отношение к кратности обычно подчеркивается такими обстоятельствами, как, например, *когда-нибудь*, *хоть раз*, (по крайней мере) *один раз*. Речь идет о контекстах, приведенных под цифрой (5) — в каждом из этих предложений употреблен глагол случайного действия:

(5) *Вы (хоть раз) ошибались уже в такой ситуации? // Вы в стрельбе промахивались когда-нибудь? // Вы падали когда-нибудь при спуске по этой лыжной трассе? // Вы вообще в жизни простужались от плавания в реке зимой?*

Общность в семантике такого рода употребления глагола НСВ можно истолковать таким образом: ‘был ли уже такой случай (было ли такое событие), всё равно, когда?’ Представленный тип контекста служит благоприятным фоном для реализации этой семантики и в случае инхоативов, выражающих, в основном, процесс как постепенный переход к другому состоянию и неспособных выражать «обычное» результирующее общефактическое. Ср. примеры:

- (6) а. *Благодаря лечению он заметно **выздоровливал**.* (Процесс)
 б. *Однажды он уже **выздоровливал** от такого лечения.* (Общефакт. экзистенц.)
 (6') а. *Матросы пили в кабаке, все **дурели** от водки.* (Процесс или состояние)
 б. ***Дурели** ли эти матросы когда-нибудь от водки?* (Общефакт. экзистенц.)

Важно отметить, что как в высказываниях (5), так и в (6б) реальное достижение результата не просто подразумевается, но и акцентируется, и это на первый взгляд может противоречить семантике общефактичности. Однако, с другой стороны, подчеркивание неопределенности времени завершения действия в прошлом находится в идеальном соответствии с общефактичностью: во-первых, невозможно выделение обозначаемого действием отрезка на временной оси, во-вторых, подчеркивается нейтральное отношение и к кратности (действие характеризуется потенциальной кратностью). Анализируя общефактическое экзистенциальное, Е. В. Падучева [1996, 36] обращает внимание на то важное обстоятельство, что при выражении этого значения главное фразовое ударение падает всегда на глагол, и высказывание имеет экзистенциальное коммуникативное членение. Падучева указывает и на тот немаловажный факт, что основной предпосылкой для реализации экзистенциального значения является воспроизводимость действия во времени (см. [Там же, 43–44]). Так, например, глаголы *тонуть* или *умирать* с конкретно-референтным субъектом обозначают невозпроизводимую ситуацию, поэтому у них достижение предела невозможно. Тем не менее возможна фраза:

(7) Ты когда-нибудь тонул?

Однако здесь выражено не достижение предела ('ты хоть раз утонул'), а значение 'был ли ты близок к тому, чтобы утонуть' (ср. [Там же, 44]).

Выше отмечалось, что экзистенциальное общефактическое требует специального контекста, и в таком контексте важная роль принадлежит временным показателям, обозначающим разобщенность действия с моментом речи и его неопределенную кратность. В случае некоторых инхоативных глаголов НСВ представление о конкретной процессности можно устранить и другим способом, без обычно применяемых обстоятельств, и не создавая неместоименного вопроса. В указанной монографии Е. В. Падучевой приводится следующий интересный пример:

(8) а. Температура повышалась.

б. Температура повышалась до 45°.

В (8б) экзистенциальное понимание создается вследствие указания количественного предела, и при этом понимание действия как процессного однозначно устраняется. В отличие от этого, в (8а) НСВ неоднозначен, он допускает и актуально-длительное прочтение (ср. [Падучева 1996, 45]).

3.1. На основе изложенного выше может создаться впечатление, что экзистенциальное общефактическое значение, при поддержке соответствующего контекста, передается всеми глаголами, в то время как выражение общефактического результативного других типов сильно ограничено лексической семантикой глагола. Относительно экзистенциального общефактического кроме невозпроизводимости действия Е. В. Падучева [1996, 43] не устанавливает никаких препятствующих факторов: «Экзистенциальное значение возможно для всех глаголов, которые обозначают ситуацию, воспроизводимую во времени. Тем самым, если глагол НСВ входит в многократную пару с некоторым СВ, то для него допустимо употребление в экзистенциальном значении».

Наши наблюдения не подтверждают целиком данное положение. В одном случае и безотносительно к признаку воспроизводимости действия можно выделить определенный круг имперфективов, способных выступать в контексте экзистенциального общефактического значения. Это вторичные имперфективы видовых троек, характеризующиеся многократно-результативным употреблением: *прочитывать, скашивать, съедать, выпивать, выучивать, вызубривать*. Эти глаголы ведут себя по отношению к выражению процесса по сути дела так же, как и другие моментальные, непроцессуальные глаголы НСВ, такие, как, например *находить, приходить, приезжать, доплывать, выигрывать* (партию) и т.п. В позиции общефактического значения, однако, они ведут себя по-разному: указанные моментальные глаголы (*находить, приходить* и др.) могут обозначать общефактическое экзистен-

циальное, см. (9а) и (9б), а многократно-результативные имперфективы троек (*прочитывать, съесть* и др.) — нет, см. (10а) и (10б):

(9) а. Ты находил когда-нибудь белые грибы в этом лесу?

б. Они однажды уже приходили к нам в гости.

(10) а. *Ты прочитывал когда-нибудь этот роман в оригинале? (Правильно: читал)

б. *Однажды я уже съедал такой суп. (Правильно: ел)

Встает вопрос, если моментальные глаголы НСВ объединяются на основе общих признаков («скачкообразное» достижение предела, а не достижение в результате постепенного развертывания процесса), то почему они ведут себя по-разному при выражении экзистенциального значения, т.е. в таких контекстах, в которых мыслится реальное достижение предела; почему указанная группа имперфективов оказывает сопротивление актуализации данной семантики? Причина, наверное, кроется в том, что вторичные имперфективы с многократно-результативным значением (имеются в виду перечисленные выше переходные глаголы) не могут нейтрально, неопределенно относиться к кратности действия. В том-то и заключается важная специфика этих глаголов, что они являются определенно многократными (и не потенциально кратными), и этот признак не может нейтрализоваться. На самом деле, нет и надобности в том, чтобы нейтрализовалась маркированная многократность данных глаголов, так как первичные имперфективы троек (*читать, косить, есть* и др.) способны выражать как обычное результативное, так и экзистенциальную разновидность общефактического результативного значения. Вторичные же имперфективы, соответственно, никакой разновидности общефактического значения не выражают. Подчеркнем, что в случае непереходных инхоативных троек (напр. *дуреть* → *одуреть* → *одуревать*) это не так, вторичные имперфективы таких корреляций могут иметь двунаправленное общефактическое значение (11а) (11б) (11в), некоторые из них (не специализировавшиеся в значении многократности) – и экзистенциальное (12а) (12б):

(11) а. После контузии руки у меня онемевали, а вот сейчас, после операции они здоровы.

б. Теперь опять можно кататься по льду замерзшего озера, хотя этой зимой в один теплый день лед уже растаивал.

в. Сегодня ночью в бочке замерзала вода (пример Гловинской [1982, 129]).

(12) а. У тебя в кухне белье когда-нибудь высыхало? [Там же, 129]

б. У вас в холодильнике вода когда-нибудь замерзала? [Там же, 129]

Примеры (11а) и (11б), представляют редкий случай возможного употребления глаголов *онемевать* и *растаивать*, иллюстрируя, что двунаправленное значение – практически единственная позиция, в которой могут выступать данные имперфективы (заметим, что в словаре С. И. Ожегова ни *онемевать*, ни *растаивать* не зафиксированы). Как в процессном значении, так и в экзистенциальном общефактическом,

вместо них употребляются соответствующие бесприставочные глаголы *неметь* и *таять*.

Выше было показано, что семантический критерий (воспроизводимость действия), установленный Е. В. Падучевой для осмысления некоторой фразы в общефактическом экзистенциальном значении, нуждается в уточнении. Приведенные выше негативные примеры (10) свидетельствуют о том, что в экзистенциальном общефактическом значении необходимо указать на потенциальную возможность воспроизводимости или повторения действия. Нам кажется, что в изложении И. Б. Шатуновского [1996, 322–324] устраняется этот недостаток, когда он подчеркивает потенциальную кратность (повторяемость) при производности общефактического значения от повторяющейся ситуации. Справедливым в этой связи представляется замечание автора и о том, что «общефактическое значение — это не значение глагола как такового, а значение предложения (высказывания) с этим глаголом» [Там же, 324].

4. Те употребления НСВ, которые иногда характеризуют как основной, обычный тип общефактического значения, тонко дифференцируются в монографии [Падучева 1996, 46], где в качестве отдельных подтипов выделяются и «общефактическое конкретное» и «общефактическое акциональное». «Общефактическое конкретное» отличается от экзистенциального лишь отсутствием семантического признака кратности, место которой занимает «единичность». Сохраняется и экзистенциальное коммуникативное членение, т.е. глагол ударный. Имеется в виду употребление глагола в контекстах типа *Я дарил тебе свою книгу? Ты подметал пол? Ты убирал комнату? Ты обедал?* и т.п.¹ В акциональном значении общефактического действия глагол является безударным, и кроме признака кратности еще отсутствует и признак разобщенности. Ср.: — *Откуда брюки?* — *На толкучке покупал // Этот пиджак он шил себе сам // Караси отличные! Иван ловил // Какие места неудобные! Кто билеты покупал? // Зачем ты снимал перед ним шляпу? // Где апельсины покупали?* (см. подробнее [Падучева 1996, 49]). Как «конкретное», так и «акциональное» общефактическое должны рассматриваться как разновидности результативного общефактического значения. В отличие от экзистенциального и двунаправленного типов, они могут вступать в конкуренцию с конкретно-фактическим значением СВ.

¹ Термин «общефактическое конкретное» является новым термином. Несколько непривычным он может показаться потому, что «общность» и «конкретность» являются противоположными характеристиками и неприменимыми к одному и тому же феномену. Именно СВ характеризуется уже принятым термином конкретно-фактического значения. Однако надо заметить, что в изложении Е. В. Падучевой речь идет не о характеристике данной семантики в целом, конкретность употребляется применительно к одному из ее компонентов — определенной единичности действия, и этот аспект является действительно конкретным.

2. К вопросу о конкуренции видов

1. Ввиду того, что при реализации общефактического значения могут подразумеваться признаки достижения результата и единичного произведения действия, следует рассматривать отношение этого значения НСВ к конкретно-фактическому значению СВ, стремясь выявить, в чем состоит различие между ними. С некоторым упрощением сравнение этих значений позволяет дифференцировать различие по следующему аспекту: (1) замена видов приводит к изменению общего смысла высказывания, (2) замена видов оказывается возможной без изменения (по крайней мере без существенного изменения) общего смысла высказывания — различие имеет интерпретационный характер. В практике же, однако, это различие не всегда может проявляться с такой однозначностью, чтобы его все аспектологи (и вообще носители языка) воспринимали одинаково.

1.1. Сначала остановимся на таком случае, когда взаимозаменяемость видов, на наш взгляд, невозможна без изменения смысла. Поскольку семантическое различие является явным и точно определенным, нижеследующая дифференциация должна считаться более простым случаем. Речь идет о неместоименных вопросительных предложениях (в том числе и об их отрицательных трансформах), в которых СВ обладает дополнительным модальным значением «ожидаемости»:

(1) *Ты отправил письмо брату?*

Говорящий знает (считает, предполагает), что субъект (это в данном случае собеседник) намеревался это сделать или он должен был выполнить такую просьбу или поручение. Этот хорошо ощутимый различительный признак и тем самым, выбор вида, конечно, является существенным с точки зрения коммуникации. Ср. предложения, приводимые по-парно:

(2) *Вы уже обедали? – Вы уже пообедали?*
Вы еще не обедали? – Вы еще не пообедали?

Несмотря на наличие признака ожидаемости при употреблении СВ, в контекстах такого типа иногда выбор вида определяется всё же не столько этим модальным значением, сколько более сложным прагматическим фактором. В. В. Гуревич отмечает, что если, например, студент (или школьный ученик) обращается к своему преподавателю с целью узнать, проверены ли уже контрольные работы, то, несмотря на указанную пресуппозицию СВ, он может сформулировать свой вопрос по образцу примера (3), употребляя глагол в общефактическом значении:

(3) *Вы уже **проверяли** наши сочинения? Какую я получил оценку?*

Дело в том, как объясняет автор это «исключение», что «вопрос с СВ в устах студента может прозвучать как невежливое напоминание

об обязанности преподавателя, поэтому студент предпочитает устранить такой подтекст и выбирает форму НВ» [Гуревич 1994, 20].

1.2. Значения результативного общефактического НСВ («конкретного» и акционального) и конкретно-фактического действия СВ могут настолько сближаться друг с другом, что их семантическая близость при помощи конситуации создает относительную синонимию видов, допуская их взаимозаменяемость. Такого рода конкуренция видов уже давно привлекает внимание аспектологов (см., в частности [Бондарко 1871, 36–38, Рассудова 1982, 67–71, Шведова 1984, Падучева 1996, 53–58, Шатуновский 1996, 328–329]). Однако, как нам кажется, под заголовком «конкуренция видов» часто рассматриваются такие случаи, когда семантическая близость НСВ и СВ, и тем самым степень свободы выбора неодинакова. Укажем на несколько примеров.

(4) а. — *Почему ты вчера не пришел?*

— *А разве мы с тобой **улавливались** (или: **уловились**)?* (пример из [Падучева 1996, 58]).

б. *Этот подарок мы **покупали** (ср. **купили**)* вместе.

В примерах (4а) и (4б) безусловно можно обнаружить свободную заменяемость видов. Сущность такой взаимозаменяемости видов в общей форме точно характеризует А. В. Бондарко [1971, 36], подчеркивая, что основной смысл высказывания не изменяется, изменяются только оттенки выражения этого смысла. Иными словами, это значит, что от выбора вида зависит способ представления действия, изменяется выражаемое грамматическое значение, но смысл контекста остается неизменным [Там же]. При конкуренции видов на первый план выступает интерпретационная функция этой категории, и в одно и то же время ее отражательная функция (обозначение различных ситуаций) отодвигается на второй план. Итак, можно заключить, что различие между НСВ и СВ никогда не стирается в абсолютном смысле, и те контексты, в которых может употребляться как НСВ, так и СВ в качестве близких синонимов, на самом деле также различаются оттенками. Надо подчеркнуть, что четкое различие семантических оттенков (несущественных с точки зрения основного смысла) и существенных «семантических сдвигов» не всегда оказывается простым. Поэтому в дальнейших примерах акцентировка будет направлена на выявление различий. Эти различия в каждом случае могут быть сведены к привативному характеру видового противопоставления, т.е. НСВ относится нейтрально, неопределенно к тем признакам, которые выражены в формах СВ конкретно и определенно. Здесь же отметим, что если видовая пара проявляет признаки эквиолентного типа оппозиции, в которой оба члена являются маркированными (равносильными), то их относительная синонимия маловероятна или даже исключена. Такими корреляциями мы считаем, в частности, *слабеть–ослабеть*, где значение процесса или становления является неотъемлемой частью семантики гла-

гола НСВ, и не значением контекста, а также *съедать–съесть*, где НСВ имеет значение многократного события, каждый раз достигнутого результата (см. [Ясаи 1998, 272–273]). Для иллюстрации конкуренции приведем несколько «контрастных» примеров с указанием различий:

- (5) а. *Я взял с собой деньги* (деньги со мной).
 б. *Я брал с собой деньги* (неизвестно, есть ли они еще у меня).

Таким же аспектом различаются и следующие предложения:

- (6) а. *Он пригласил меня в гости* (приглашение актуально в момент речи).
 б. *Он приглашал меня в гости* (неизвестно, по-прежнему ли актуально приглашение) (ср. [Гловинская 1989, 103]).

К этому типу различия можно отнести и следующие контексты, приведенные Е. В. Падучевой. Они показывают, что перфектному значению СВ (7а) противопоставит признак разобщенности (7б):

- (7) а. *Мне предложили написать на нее рецензию*. (Сейчас я обдумываю предложение)
 б. *Мне предлагали написать на нее рецензию*. (Скорее всего, в настоящий момент я уже отказался) [Падучева 1996, 57]

При выявлении таких (хотя и безусловно тонких) семантических различий невольно встает вопрос, правильно ли говорить в таких случаях о конкуренции видов, если под этим понятием подразумевается их относительная синонимия и, как следствие этого, (сравнительно) свободный выбор вида?

С точки зрения коммуникативной установки менее существенным нам представляется различие в значениях видов, если они различаются отношением к кратности, как в (8а) и (8б):

- (8) а. *Я ему об этом писал / говорил* (по крайней мере один раз).
 б. *Я ему об этом написал / сказал* (точно один раз).

Тот факт, что НСВ выражает потенциально кратное событие, а СВ единичное, в некоторых ситуациях может быть несущественным. Однако справедливо отмечает Е. В. Падучева, что это наблюдение нельзя распространять на все случаи, как, например, показывает использование другого глагола в отрицательном контексте:

- (9) а. *В понедельник он не приезжал*.
 б. *В понедельник он не приехал*.

Хотя и в примере (9а) глагол обозначает единичное событие, оно рассматривается на фоне возможного повторения, а в данном случае это более существенно, чем в (8а), так как «речь идет о человеке, который достаточно регулярно приезжает и уезжает, а не, скажем, о человеке, который возвращается из дальних мест» (ср. [Падучева 1996, 58]).

В области конкуренции видов значительное место занимают случаи употребления НСВ в общефактическом акциональном значении, в таких вопросительных предложениях, которые требуют ответа на вопросы *Кто? Где? Зачем? Когда?* и т.п. Ср.:

- (10) а. *В какой газете ты читал / прочитал об этом?*
 б. *Кто тебе об этом говорил / сказал?*
 в. *Зачем ты мыл / вымыл пол в комнате?*

В связи с (10в) заметим, что вопросительное местоимение *почему* не допускает конкуренцию, поскольку его семантика ('по какой причине?'), имплицитно пресуппонируя ожидаемость, требует СВ (ср. **Почему ты приглашал его?*).

1.2.1. Важно подчеркнуть и то, что замена видов не всегда оказывается возможной (или, скорее, свободной) при вопросах *Кто? Где? Когда?* – ситуация может однозначно предпочитать СВ перед НСВ или наоборот. Приведем по две ситуации из учебного пособия [Гуревич 1994, 32–33]:

- (11) а. *Откуда у тебя книга? – Мне ее купил брат.*
 б. *Сколько стоит книга? – Не знаю, ее покупал брат, спроси у него.*

В (11а) ответ подчеркивает смысл «благодаря брату у меня теперь есть эта книга, т. е. наступление нового состояния. В (11б) результат не акцентируется контекстом, подразумевается, что «процессом покупки занимался брат» [Там же, 32].

- (12) а. *Кто нам взял билеты в цирк? Коля? Передай ему от меня спасибо.*
 б. *Кто брал билеты? Коля? Неужели он не мог выбрать места получше?*

В (12а) имеется в виду: «кому мы обязаны тем, что мы имеем билеты?», а в (12б): «кто занимался покупкой билетов»? – поэтому форма НСВ более естественна [Там же, 33].

2. Рассмотренные выше примеры показывают, что конкуренция видов сильно обусловлена ситуацией, и возникшая при этом синонимия является относительной. В действительности речь идет не о синонимии видов, а о синонимии смысла высказываний. Это естественно, если учесть, что видовые различия сохраняются даже при конкуренции, однако, в таком случае они носят интерпретационный характер. Именно различия в интерпретации нюансируют общий и основной смысл сопоставимых высказываний. Если бы не было этого различия, то и не оказалось бы аномальным использование, с одной стороны, показателя неопределенности времени завершения при СВ (**Ты когда-нибудь купил продукты в этом магазине?*), с другой стороны, показателя подчеркнутой результативности при НСВ (**Молодец, ты очень чисто мыл пол в кухне*).

Термин «конкуренция видов» легко может натолкнуть преподавателя на мысль о том, что этому явлению не надо уделять внимания, так как сущность конкуренции заключается именно в том, что в одном и том же контексте можно употребить оба вида («ошибки исключены»). С «удобством» такого педагогического подхода вряд ли можно согласиться. Для того, чтобы мы могли разграничить интерпретационную функцию вида (как наименее существенную с точки зрения основного

смысла) и его отражательную функцию (различающие разные ситуации и тем самым разные смыслы), необходимо изучать тот семантический фон, который может служить основой для создания конкуренции. В ином случае ряд примеров, допускающих замену конкретно-фактического СВ на общефактическое НСВ, может показаться особым исключением, а в лингвистическом описании — антисистемным явлением.

Литература

- Бондарко А. В.* 1971 — Вид и время русского глагола. Москва 1971.
- Бондарко А. В.* 1983 — Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Ленинград 1983.
- Гловинская М. Я.* 1982 — Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гуревич В. В.* 1994 — Глагольный вид в русском языке. (Пособие для изучающих русский язык) М., 1994.
- Креквич Й.* 1997 — Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика. Szeged, 1997.
- Ломов А. М.* 1975 — Аспектуальная характеристика действия и ее типы: Вопросы русской аспектологии. Воронеж 1975, 64–88.
- Маслов Ю. С.* 1959 — Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление): Вопросы грамматики болгарского литературного языка. Москва 1959.
- Падучева Е. В.* 1996 — Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Москва 1996.
- Рассудова О. П.* 1982 — Употребление видов глагола в современном русском языке. Москва 1982.
- Шатуновский И. Б.* 1996 — Семантика предложения и нерелевантные слова. Москва 1996.
- Шведова Л. Н.* 1984 — Трудные случаи функционирования видов русского глагола. (К проблеме конкуренции видов) Изд-во МГУ, 1984.
- Шелякин М. А.* 1975 — Основные проблемы современной русской аспектологии: Вопросы русской аспектологии. Воронеж 1975, 5–27.
- Ясаи Л.* 1998 — К дискуссии видовой оппозиции. Привативность или эквивалентность?: Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Szerk.: Zoltán András et al. Budapest 1998, 270–275.